

Виктор Глумов
Нашествие. Мститель
Серия «Нашествие», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691710
Нашествие: Мститель : [фантаст. роман] / Виктор Глумов: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-40930-1

Аннотация

Нашествие на Землю закончено? Нет! Для героя этой книги оно продолжается! Молодой землянин становится объектом чудовищного эксперимента. Теперь он – Ксандр, лишенный памяти, он – боец великой Орды, один за другим покоряющей миры.

И только он знает, где скрыто Забвение, грозное оружие прошлого. Несколько сил стремятся первыми добраться до этой тайны. Бывший землянин в одиночку противостоит разведке могущественных кланов. Что выберет Ксандр: войну или мир? А ведь выбирать придется именно ему...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	38
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Глумов

Нашествие. Мститель

© В. Глумов, 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть I

Вархан

Автор благодарит *Льва Жакова и Андрея Левицкого за идеи, поддержку и помощь.*

Глава 1

Нашествие

Война кланов, осада вражеской крепости, смерть врагов, победа – что может быть интереснее? Но иногда все идет не по плану...

– Куда ты прешь? – рявкнул Саня в микрофон. – Ты не видишь, какая у него зона агра?! Ты на хрена туда побежал, сказано же: в слип! Метки смотреть нужно!

Хант¹ что-то промычал обиженно, неадекват. Партия сливала осаду, и Саня злился не на шутку. Он сидел за компьютером в одних трусах – дома жарко, вентилятор гоняет горячий воздух, а кондиционер они с Юлей так и не купили.

Вслед за хантом, с перегрева, не иначе, чудить принялся чант²: вломился в самую гущу боя, да там и лёг. У всего клана слетели баффы³.

– Ну, гад! – выдохнул Саня. – Нубас⁴!

Еще можно было собраться и всем навалить, Саня это знал. Он попер вперед, словно бешеный танк, как раз в это время сорк залупил во врагов трескучий изумрудный разряд и...

Монитор погас. А-а-а! Саня запустил в стену сорванной с головы гарнитурой. Опять электричество вырубил!!! Не отрывая взгляда от черного экрана, нашарил на столе соотв-ый: позвонить Пиу-Пиу, клан-лидеру, предупредить, что выпал... Но и телефон не работал – разрядился, наверное.

С фотографии в рамочке, стоящей возле монитора, укоризненно смотрела Юлька в сам-бовке. Саня сам «щелкнул» жену перед соревнованием: светлые волосы забраны в «хвост», но тяжелые пряди выбились и висят вдоль щек. Юлька улыбается, но глаза ее, ведьминские, разного цвета, правый – голубой, а левый – ярко-зеленый – серьезные. Это последний перед беременностью бой – потом тест показал две полоски. А сейчас, интересно, Юля трениру-ется? Наверное. По идее – должна. Ее не просто сломать, и борьба для Юли много значит... Вот и в квартире подозрительно тихо, наверное, нет Юльки.

Саня провел пальцем по карточке, и на стекле осталась яркая полоса – стёр пыль. При-поднялся, отодвигая кресло. Поясница ныла, болели плечи. Он слишком долго просидел за компом, теперь покачивало, а перед глазами прыгали фигурки, напоминающие персов из игрушки... сколько он в нее рубился? Три часа подряд, пять, семь? Он не помнил.

Саня пошлепал в коридор. Ламинат приятно охлаждал голые ступни. Городской теле-фон, стоящий на полочке у вешалки, молчал – ни гудков, ни шипения. Авария, что ли? Саня вернул мертвую трубку на подставку. Надо поесть, раз уж такое дело. По светлому полу сквозняк гонял мелкий мусор и хлопья пыли – и чего это Юлька себе думает, почему не подмела?

В дверях кухни Саня остановился.

Он жил на восьмом этаже, окна выходили на Лианозовский питомник, покачивающий вершинами сосен. Сейчас над ними нависало низкое изумрудно-зеленое небо.

Зеленое?! Оно что, и правда...

Саня протер глаза, поморгал и ущипнул себя за щеку: нет, не спит. Галлюцинации? Расстройство зрения из-за сидения перед монитором? Осторожно, медленно он приблизился к окну. словно огромный купол зеленого хрусталя накрыл Москву. По нему пробежали бес-

¹ Игровой сленг. Хант – хантер, охотник – обычно – персонаж класса лучник (*Здесь и далее – примеч. автора*).

² Чант – персонаж класса чародеев, может усиливать возможности персонажей.

³ Игровой сленг. Бафф – заклинание, усиливающее возможности персонажей.

⁴ Игровой сленг. Нуб – начинающий геймер, еще ничего не понимающий в игре.

шумные изумрудные молнии. «Как в игре, – подумал Саня. – Как в долбаной игре! Я свихнулся, Юлька была права!»

– Юль! – позвал он. – Юля!

Тишина. У Сани нехорошо засосало под ложечкой. И вдруг накатило чувство, что он снова играет, только теперь – не в онлайнную RPG, а в шутер – «стрелялку», причем на первом уровне, когда у героя нет оружия. И теперь он должен взять столовый нож, выйти за дверь, убить первого монстра – совсем слабого, неопасного, – потом в подъезде отыщется бита или монтировка, как у Гордона Фримена из «Халфы», а на улице уже поджидают другие враги, посерьезней...

Он зажмурился на несколько секунд, снова глянул на небо и заставил себя отвернуться от окна. И только тут обратил внимание, что кухня, Юлькина гордость, замусорена: стол завален грязной посудой, в высохших кофейных лужицах застыли хлебные крошки – все правильно, это Саня то ли вчера поздно вечером, то ли сегодня рано утром делал себе попить и бутерброд. Плита, в отличие от стола, аж сверкает, будто ею не пользуются. И куда-то исчезли хлебопечка с мультиваркой, Юлькины первые помощники. И половина половников-лопаток, висевших на крючках, тоже исчезла.

Позабыв о галлюцинациях, Саня выскочил в коридор и заглянул в шкаф-купе. Не было Юлиных вещей! И обуви её не было, в тёмном углу уткнулись носами друг в друга его кроссовки, а ботинки лежали кверху подошвой, как дохлые зверьки. Саня вернулся в «кабинет»: стол жены, ютящийся возле окна, был завален скрепками, коробочками и целлофановыми пакетами. Ноутбук Юлька забрала. Больше ничего не изменилось: рабочее (в последние месяцы – игровое) место Сани – у стены, чтобы свет слева падал, стеллаж с книгами... Стоп. Книг тоже стало меньше. На полках сиротливо жались Санины справочники.

Через приоткрытые жалюзи просвечивало всё то же зеленое небо. Уже понимая, что увидит, Саня побрел в спальню. Здесь шторы были плотно задернуты и царил полумрак. Разворошенная постель, опустевшее трюмо – испарились все Юлькины банки-склянки-помады.

Ушла.

Саня опустился на край кровати, показавшейся излишне широкой. Юля давно предупредила, что «так дальше продолжаться не может». И он кивал, не отрываясь от монитора. Еще немного, еще чуть-чуть – не видеть, не осознавать, отрешиться от этого мира. Спрятался в игре настолько, что не слышал, как жена собирала вещи. И отсутствия ее не замечал... Когда же она ушла? Куда – понятно. К маме. Тещенька рада-радешенька. Но когда?! Сколько прошло времени?

Он подтянул к себе старую плоскую подушку, схватил и нахлобучил на голову, прижал к ушам, к лицу, закрываясь от реальности. Зажмурился и замер. Так и сидеть, не шевелясь, а еще лучше – забраться под одеяло, лечь набок, поджав ноги, в душной темноте, и лежать, пока не раздадутся Юлькины шаги, шелест пакета (ведь на самом деле она просто выходила в магазин!), скрип дверцы холодильника...

Почти минуту Саня сидел с подушкой на голове, но потом заставил себя отбросить ее. Ходики над трюмо, показывающие три часа, стояли. Из зеркала на Саню уставился красноглазый парень: небритый, долговязый, спортивный. Русые волосы, нечесанные и свалявшиеся, отросли по плечи. Щетина недельная. Саня поднялся, собрал патлы в «хвост», стянул найденной в ящике резинкой. Так лучше.

«Ушла – скатертью дорожка! – раздраженно подумал он. – Ну и дура! Мне даже лучше, никто пилить не будет, а теща пусть подавится!» Но эти мысли сразу сменились другими: «Тебе двадцать пять, тебя бросила жена, потому что ты – неудачник. Нуб в игре и по жизни. Потому что уже... сколько же? Месяца три ты не выходишь из дома. Не работаешь. Забросил

спорт. А Юльке разве легче пришлось? Ты, вместо того чтобы поддержать ее, растворился в виртуале. А теперь иди и верни жену!»

Но вместо этого потянуло играть. Нырнуть в бряцанье мечей, шипение заклинаний, звон монет, рев чудовищ, боевые выкрики, стоны умирающих... В игре смерть – иллюзия, там убиваешь, не лишая жизни, и гибнешь, не умирая. Поэтому Саня и сбежал туда: прячась от настоящей смерти.

Только вот комп не работал, и Саня принялся одеваться. Джинсы валялись на стуле, а за футболкой пришлось лезть в шкаф. Где, как и в первом, не осталось Юлиных вещей, но на одной из полок молчаливым напоминанием лежал пакет, приготовленный на выписку из роддома.

Они купили приданое заранее, посмеявшись над приметам. Но вещи так и не пригодились.

Саня запихнул пакет в самый низ шкафа. Мысли о ребенке, родившемся мертвым, отнимали силы. А силы сейчас нужны.

Проходя мимо кабинета, он снова увидел сквозь жалюзи зелень неба. Это было так необъяснимо, настолько не укладывалось в голове, что Саня поспешно отвел взгляд. А перед дверью, уже повернув ручку, остановился, напуганный тем, что собирался сделать: выйти из квартиры. Обернулся... Знакомая кухня, комната в конце коридора. И там, на столе, компьютер. Манит к себе, будто ценный артефакт – сталкера. Один шаг – и все это останется за спиной, но он боялся того, что ждало снаружи: людей, улиц, машин, самого мегаполиса, накрытого гигантским зеленым колпаком.

Хотя небо – это, наверное, все же галлюцинация. Нарушение зрения, сдвиг в голове. Слишком много пялился в монитор, слишком долго через зрачки входил в мозг игровой код, вот и перемкнуло. А Юля вернется, никуда не денется, не жить же ей со вздорной капризной матерью. Придет, не прямо сейчас, так к вечеру, не вечером, так утром, а к тому времени мозги отдохнут, небо вернет свой цвет, исчезнут дикие изумрудные молнии, да и электричество включат – и можно будет снова...

Саня вздрогнул, сообразив, что уже отпустил ручку, и решительно распахнул дверь.

В длинном коридоре, ведущем к лифтам, было темно и воняло кошками. Натыкаясь на велосипеды, санки, ящики, он выбрался на лестничную клетку, где звучали голоса растерянных соседей. Лифт, как и следовало ожидать, не работал, Саня пошел пешком. Миновал двух встревоженных теток с третьего этажа, мирного алкоголика дядю Мишу со второго, потом еще каких-то людей... С ним попытались заговорить, но он – отмахнулся, быстро спустился на первый и оказался на улице.

Во дворе, у подъездов и на детской площадке, толпился народ. Люди уставились на небо. Было непривычно тихо: ни гула МКАДа, ни городского шума. Только дети плакали и выли собаки. В странном зеленом свете цветы на клумбе казались искусственными, а лица людей – мертвенно-бледными.

– Что это? – шептала, будто заведенная, курносая блондинка. – Что случилось? Что это? Что же это такое?!

У Сани не нашлось ответа. Интересно, метро работает? Другие тоже видят зеленое небо и ветвящиеся молнии, значит, он не свихнулся, с ним все в порядке (насколько это возможно для человека, несколько месяцев проведенного в компьютерных играх), он сможет найти Юлю.

Вокруг разлилась тревога, она читалась на лицах людей, в их движениях, интонациях, взглядах. Не оборачиваясь, Саня пересек двор и вышел на улицу Лескова. Машины стояли. Здоровенный черный джип врезался в грузовую «газель», были и другие аварии, но ничего серьезного Саня не заметил. Водители толпились у заглохших автомобилей, на газоне буль-

вара, разделявшего полосы, кого-то били. Саня поспешил дальше, к станции «Алтуфьевская».

А если метро не ходит? Вдруг электропоезда остановились, как и машины... Надо проверить, решил он, и побежал.

Уже три месяца Саня не занимался, и дыхание сбилось. Он не курил и вел, в общем-то, здоровый образ жизни, но тело многое успело забыть. Участился пульс. Саня несся мимо растерянных прохожих, жалея, что не угнал соседский велосипед. Теща живет на «Парке Победы», если метро закрыто, на своих двоих туда добираться долго.

Чистый, зеленый район недалеко от Кольцевой дороги, палатки с фруктами и цветами вдоль тротуара... По сторонам разделенной бульваром улицы высились панельные дома, из окон и с балконов которых высовывались жильцы и, разинув рты, тыкали пальцами вверх. Кто-то перевернул лоток с фруктами, и Саня чуть не упал, наступив на ярко-красное яблоко. Мякоть с сочным хрустом размазалась под подошвой.

Впереди, над деревьями, поднимались клубы дыма. Саня замедлил ход, заметив, что ледоколом рассекает людской поток. Бледные, перепуганные, растрепанные, москвичи бежали от метро. Ревели дети, заплаканные матери тащили их волоком. Мужики толкали друг друга, бранились.

Зеленый небосвод перечеркнула изумрудная молния. Люди уставились вверх. Неподалеку пронзительно завизжали, толпа поперла быстрее, поддавшись панике. Выпученные глаза, раззявленные рты... Саня свернул. Разум отключался, просыпались инстинкты. Сейчас бы влиться в поток, затеряться и улепетывать подальше от опасности. Нельзя! Вспрыгнув на лавку, он схватил за руку спешащую мимо девчонку лет четырнадцати, притянул поближе:

– Что там?

Она затрясла коротко стриженной головой, замычала и попыталась вырваться. Отпустив ее, Саня соскочил с лавки и наткнулся на кавказца в спортивном костюме.

– Мужик, что случилось?

– Смэрть там, смэрть! Бэги, дурень!

Никто ничего не понимал, толпа превратилась в безмозглое стадо и неслась мимо витрин магазинов, люди натыкались на деревья, спотыкались об ограду перед газоном, самые расторопные сворачивали и укрывались в подъездах. На другой стороне улицы кто-то вломился в японский ресторан прямо сквозь витрину. Со звоном рассыпалось стекло, заматерились...

В толпе не осталось ничего человеческого, она казалась страшным цельным организмом. Она заполонила весь тротуар и выплеснулась на проезжую часть, рекой обтекая препятствия. Отдельные люди карабкались на машины, кто-то упал и завопил, когда по нему побежали...

Саня перепрыгнул через ограду и кинулся к подъезду ближайшей многоэтажки. Домофон не работал, Саня распахнул дверь и влетел в прохладный сумрак.

– Вали отсюда!

На лестничной клетке стояли два красномордых мужика. Обоим под сорок, один повыше, с пивным пузиком, второй – сутулый задохлик. Жильцы, наверное.

– Вали, кому сказали!

– Да ладно вам. – Саня показал пустые руки. – Дайте отдышаться. Я местный, с Мелиховской. Мне в метро надо.

Мужики переглянулись. Их боевой задор сошел на «нет»: незванный гость – выше на голову, почти два метра хорошо тренированного молодого тела. В бубен даст – можно выносить. С таким драться неохота.

– Так все от метро бегут, – неуверенно протянул задохлик. – Тут один так же вот приперся и давай в мою квартиру колотить. Ну, мы решили, типа, охрану организовать...

– Да что вообще случилось? – спросил Саня.

Мужики снова переглянулись.

– Так это... – плюгавый высморкался в сторону. – Небо, значит, зеленое. И горит всё. И взрывалось, машины накрылись, вся электроника накрылась.

Саня задумался. И правда, «полетела» вся электроника. Такое может случиться из-за мощного электромагнитного импульса... Что же, выходит, война? Но зеленое небо не укладывалось в это предположение.

Плюгавый, обойдя Саню, приоткрыл дверь и выглянул наружу:

– И чего им всем надо?

Саня посмотрел поверх его головы: толпа не становилась жиже. Черт, откуда их столько? Как нубы от босса⁵ шпарят... Надо уходить дворами, может, мужики не правы и метро работает.

– Слушай, – сказал он плюгавому, – у тебя квартира на первом этаже? А окна во двор? Мне срочно выбираться надо. У меня жена в городе, я за ней иду. На улице толпы, может, я через двор уйду?

Как ни странно, плюгавый без вопросов провел его в свою «однушку» – тесную, заставленную старой мебелью. Окна были без решеток, и Саня выскользнул во двор. У тротуара стояли припаркованные машины, а за деревьями виднелась ограда детского сада. Саня побежал.

Он вылетел на перекресток Лескова с Алтуфьевским шоссе и замер. Горел «Макдоналдс». А на площади суетились люди в странной темной одежде и противогазах. Фырчали, плюясь черным дымом из выхлопных труб, автомобили незнакомой конструкции – похожие на тачанки, с открытыми кабинами и многоствольными пулеметами на багажниках.

Над асфальтом, закрывая станцию метро, кружилась большая овальная воронка, в центре пульсировал туманный пузырь, а по краям вихрились потоки зеленого марева. Из воронки били вверх зеленые молнии. Если бы все это происходило в игрушке, Саня бы сказал: портал. Но в реальности не бывает порталов!

Саня попятился, прикидывая, куда идти. Хорошо, родители в Питере, там, наверное, все в порядке.

В Москве, куда Саня переехал после института, устроившись в международную фирму, – только Юля с тещей. Надо к ним, на «Парк Победы», других вариантов нет, а раз так – обойти перекресток, а после двигаться напрямик. Северные Дубки, Бескудниковский бульвар, Лихоборка, Большая Академическая... Далеко! Километров двадцать, нужен велосипед, а лучше – байк.

Стараясь держаться подальше от людей в темной одежде и противогазах, Саня побежал, огибая перекресток по дуге. Если машины встали, это ведь не значит, что мопеды-мотоциклы тоже не работают. Зачихал мотор – на перекресток, объезжая замершие автомобили, вылетел древний облупившийся «жигуленок», к багажнику которого веревкой примотали огромную сумку. Непонятные люди насторожились, некоторые подняли оружие. «Жигуль» свернул, и тут заговорил многоствольный пулемет на багажнике одной из тачанок.

Саня спрятался за мусорным баком. Осторожно выглянул.

За пулеметом стоял человек в широких шароварах, короткой кожаной куртке и противогазе. Он вел огонь по «жигуленку»: быстро крутил рукоять, вращая стволы и поворачивая станину. Водитель, чей перекошенный профиль мелькнул за боковым стеклом, попытался

⁵ Игровой сленг. Босс – крупный и мощный уникальный монстр игровой локации.

уйти от выстрелов, резко повернув в сторону Череповецкой. Пули пробили лобовуху, прошили сумку. Машина, врезавшись в светофор, замерла.

Саня, пригибаясь, побежал дальше. В голове набатом било: «гатлинг», «гатлинг», «гатлинг»... У этих, на допотопных машинах – пулеметы Гатлинга! Хотя у классического «Gatling gun» магазин сверху, а тут – длинная, патронная лента, с лязгом уходящая в приемник. Кто же это такие... Свихнувшиеся реконструкторы? Оккупанты? Захватчики? Они вторглись в Москву, из-за них вся эта паника, купол зеленый, сдохшая электроника? Да ладно, не под силу такое людям с древними пулеметами!

Саня нырнул во двор за многоэтажкой, крики и выстрелы стихли. Туманная зеленая воронка... Что, если это и правда портал? И через него явились захватчики? Нет, не может быть, это же реальность! Он в настоящей Москве, это не игра! Пора избавиться от наваждения, нет здесь никаких порталов!

Саня обежал детскую площадку и заметил прислоненный к лавке велосипед. В сторону дома мчалась женщина, волочащая за собой пацана лет четырнадцати.

Саня схватил велосипед, слишком маленький для него, уселся в седло, поехал. Приходилось нелепо растопыривать колени, но скорость все же увеличилась. Он объехал дом, где скрылись женщина с подростком, и вылетел напрямик к овальной зеленой воронке – она медленно кружилась между двумя гаражами. «Портал» был гораздо меньше того, на площади, из него как раз выходила пара запряженных животных, похожих на быков, но более массивных, с горбами на спинах и закрученными винтом рогами. За широкие ремни рогачи тащили колесницу с закругленным высоким передом.

Обычные многоквартирные дома, стандартный московский двор, детская площадка, гаражи – и боевая колесница будто из фильма про Древний Рим. Мучительное, пугающее ощущение, словно он попал в компьютерную игру и не может выбраться, его затягивает все глубже в фантастический мир, охватило Саню, и он едва не налетел на бордюр. Лишь в последний момент круто вывернул руль и встал, оторопело глядя на портал. Рогачи трусили на удивление бодро для таких крупных, тяжелых существ. В колеснице обнаружили двое – один правил, второй, с тремя красными полосками на рукаве, восседал позади, держал ружье с длинным стволом.

Колесница перла на Саню. За ней из портала выходили пешие. Нет, это не игра, и он не спятил, все происходит на самом деле, и умереть Саня может по-настоящему, а значит – надо спасаться. Справившись с изумлением, он налег на педали и рванул вдоль бордюра, к скверику, чтобы укрыться за деревьями.

Но Саню уже заметили. Чужак на возвышении выпрямился – на ветру захлопали полы кожаного плаща – и поднял ружье.

Хлопок, треск... Саня повернул голову и увидел, как от ружья к нему протянулась сверкающая полоска, похожая на необычно прямой разряд молнии.

Молния врезалась в велосипед, Саню подбросило – вверх и вперед, он рухнул грудью на землю между деревьями. Разевая рот, выпучив глаза, уперся ладонями, приподнялся. Шаги... Неразборчивые, глухие голоса...

Саня рухнул набок, попытался сесть. Все вокруг плыло, болела грудь, ломило виски. Если бы не месяцы, проведенные в виртуале, он, наверное, смог бы встать и убежать, но сейчас тело плохо слушалось, инстинкты отказывали.

Совсем рядом Саня увидел тупые мыски сапог. Голова закружилась сильнее. Над Саней стояли двое захватчиков, одетые в кожаные шаровары и куртки. На ремнях – длинные ножны. Газовые маски незнакомой модели скрывали лица, тускло поблескивали темные окуляры. Поднялось оружие с толстым стволом, грубым деревянным прикладом и торчащим далеко в сторону кривым рычагом, похожим на магазин, но слишком уж длинным и тонким.

Чужак взмахнул ружьем, и приклад врезался Сане в висок.

Глава 2 Дикий город

Площадь на окраине столицы Терианы – Наргелиса – вполне годилась для построения: облицованные гранитом фасады домов хоть немного спасали от холодного зимнего ветра, несущего снежную крупу. На открытом пространстве шквал сбивал с ног, здесь – хлестал по щекам, вышибая слёзы, рвал плащи, но двести лучших воинов Дамира не шевелились и не моргали.

Дамир бер'Грон шагал вдоль шеренги, с гордостью рассматривая бойцов. Две сотни варханов, лучшие из лучших. Каждый из них готов отдать жизнь за своего командира. Он сам отбирал юношей в этот отряд, сам их натаскивал, учил ножевому бою, объяснял, как незамеченным подкрадываться к врагам. В отличие от пеонских недоучек, эти воины мгновенно ориентировались в меняющихся условиях. Дамир закрыл глаза и ощутил себя исполином, у которого четыреста рук, четыреста ног и двести голов.

Они – несокрушимы, они – одно целое. Ильмар, младший брат по отцу, прихрамывал рядом, с трудом подстраиваясь под широкий шаг Дамира.

– Еще раз уточним. Бер'Махи думают, что мы проводим карательную экспедицию по подавлению повстанцев. Они проглотили нашу легенду.

Он замолчал, мысленно прикидывая расстановку сил. Их на Териане было три: его родной клан бер'Гронов, второй – бер'Махи, а еще Гильдия тёмников, где хозяйничал старый Эйзикил. Местных, то есть терианцев, можно было особо не принимать в расчет, повстанческое движение было разрозненным. Бер'махи проглотили наживку, но вот тёмники... Эйзикил, старая ящерица, догадывается, что бер'Гроны, соперничающие с бер'Махами за власть над Терианой, да и над всеми мирами, не столь просты.

– Да не волнуйся, – Ильмар немного запыхался, – главное – чтобы бер'Махи не мешались. А с тёмниками уж как-нибудь справимся. Я организую зачистку для отвода глаз, а вы с Зармисом пойдете своим путем.

– Тёмники знают о Забвении, – веско напомнил Дамир.

Ильмар пожал плечами. Забвение – мифическое оружие. Его создали Предтечи, а теперь, вроде бы, воспроизвел мятежный пеон Омний, гений, повстанец. Воспроизвел и спрятал в одном из миров... Забвение может разрушать миры и создавать их, дарить и стирать память, но, главное, клан, нашедший Забвение, станет самым влиятельным.

И Дамир, нащупавший ниточку к Забвению, считал, что владеть им должны не Бер'Махи, вечные соперники Бер'Гронов, и не тёмники. А его родной клан.

Оскальзываясь на обледеневшей брусчатке, кутаясь в плащ, бежал Зармис бер'Грон, средний брат. Дамир повернулся к нему.

– Он пришел... – Дыхание Зармиса сбилось. – Говорит, мало времени.

Дамир обратился к Ильмару:

– Готовь людей. Выступаете, как обговаривали, через четыре часа.

Ему показалось или за стеклом мелькнул сгусток тьмы – силуэт наблюдателя? В любом случае, соглядатай уйдет ни с чем, доложит: отряд под началом бер'Гронов вступил в заброшенный город, о чем Зармис и говорил на совете.

* * *

В тесной комнате чадила чугунная печка. Единственное окно, расположенное почти под потолком – помещение находилось в полуподвале, – залепило снегом, и свет давала

только тусклая лампа. Информатор Камачек ходил из угла в угол, сопел, обильно потел и протирал розовую лысину, пол выпачкал принесенной с улицы грязью. При виде Дамира с Зармисом грузный Камачек ссутулился и вроде как даже уменьшился, изобразил на лице благоговение, но глубоко посаженные магульи глаза смотрели алчно.

– Ну? – Дамир вскинул бровь, окатив продажного терианца презрением.

– Горан скоро будет на месте. Он уже, наверное, на месте, и нам нужно спешить! – бормотал Камачек, комкая шапку красными пальцами. – К вечеру должны прийти проводники и увести его в скалы. Ищи их потом!

Дамир и Зармис переглянулись.

– Я бы не советовал вам идти вдвоем, опасно! Вдруг там охраны человек двадцать, – лопотал Камачек. – И все головорезы о-го-го! Возьмите ещё пару варханов!

Дамир без труда угадывал его мысли: «Поляжешь, начальник, кто мне выпишет обещанную землю? Что я, зря работаю, тоже ведь рискую! А мне семью кормить надо!» Насколько важен Горан, предатель даже не догадывался, и не знал, что Дамир всеми силами старается избежать огласки, дабы сведения о Забвении не просочились в другой клан или, ещё хуже, к тёмникам.

– Выполняй свою работу, – тон Дамира исключал возражения. – И не мешай мне делать мою. Жди нас здесь.

– Выдвигаемся, что ли? – Зармис скорее констатировал факт, чем спрашивал, Дамир кивнул.

* * *

Камачек остался ждать на площади, к схрону Дамир и Зармис подошли вдвоем: ни к чему терианцу сюда соваться.

Об этом подвале знали только самые близкие, Дамир использовал его как тайник – заброшенный дом на краю города, ни единого признака жизни.

На столе, в стеклянной банке, оплывала свеча. Огненные блики танцевали на стенах с пятнами плесени. Пахло гнилью и несвежим бельем, да и одежда, в которую собрался облачиться Дамир, выглядела как с помойки. Поношенный серый плащ с заплатками на локтях, мешковатые штаны, бесформенные войлочные боты. Мягкое железо, тонкий, но заметный доспех, придется снять и остаться беззащитным, практически голым.

Дамир может рисковать жизнью, но не Забвением.

«Кто бы подумал, – размышлял Дамир, отстёгивая кожаные наплечники, – что пеоны, жалкие трусы, создадут нечто, способное нарушить Великое Предопределение. Чем бы ни было Забвение, ему не место в лапах трясущихся псов».

А слухи ходили разные: «Забвение – воплощенный гнев Бурзбароса». «Забвение – великое избавление угнетенных». Забвение способно разрушить реальность, поработить кого угодно, просто стереть целый мир, изменить личность любого человека, даровать память и отнять ее... Предтечи умели делать оружие. А пеон Омний смог его воссоздать.

Напяливая застиранную до дыр рубаху, Дамир примерял на себя звание командера, мысленно рисовал на родовом гербу пометку – серебристое кольцо. Затягивая пояс, представлял себя в Ставке, на Ангулеме, а не здесь, на всеми забытой холодной и негостеприимной Териане. Старший брат, Максар Бер'Грон, сверкнет доблестью на Земле, а Дамир найдет себе применение и тут. Максар, конечно, станет бер'Ханом, возглавит берсеров, а Дамир будет его правой рукой.

Рядом пыхтел и ругался сквозь зубы Зармис – ему, франту, не по душе тряпье.

Они закончили одеваться одновременно. Дамир пристегнул к поясу пару ножен с короткими мечами для ближнего боя, приладил к предплечьям браслеты с выкидными лезвиями. Осталась последняя деталь – плащ, поношенный, как и у большинства повстанцев.

Зармис потянулся к разряднику, но Дамир перехватил его руку:

– Мы – мирные пеоны и не должны привлекать внимания. Терианский пёс обещал машину, там должно быть оружие.

– Мирные – так мирные... Как бы только пёс нас не покусал, брат. Ладно, идем уже. – Зармис накинул капюшон.

Младший, Ильмар, уже ждал братьев в центре Радужной площади. Раньше он был выше Дамира, но после того, как ему порядком укоротили простреленную ногу, Ильмар начал сутулиться, позвоночник его искривился, и братья сравнялись по росту. Женщины все равно любили Ильмара. Взять хотя бы последнюю его сожительницу, Агайру, – огонь, а не женщина. Высокая, яркая. Губы алые, волосы густые, черные, будто смоль, блестящие, словно зеркало. Дамир хотел её заполучить по праву старшего, но наткнулся на такое сопротивление и с её стороны, и со стороны Ильмара, что заподозрил брата в слабости, которую пеоны называют любовью, и отступил. Ни одна баба не стоит дружбы.

– Наступление ровно через четыре часа, – отчитался Ильмар.

– Место встречи – то же, – на ходу, кланяясь Ильмару в пояс, как и полагается терианцу при встрече с берсером, прошептал Дамир, направился к машущему рукой Камачеку и прошипел: – Попробуешь предать – твоих детей кинут на растерзание зверям, а из жен сделают манкуратов.

Камачек втянул голову в плечи.

– Я не подведу, вот... – Он очертил перед лицом овал, символизирующий Бурзбароса, мирового змея, поцеловал пальцы, собранные щепотью. – Во-о-от, священный круг мне на уста!

За это следовало отрезать язык и отрубить руку – нечестивый осквернял веру варханов, ведь для терианца и пеона свята лишь собственная шкура! – но Дамир сдержался. Демон ярости всегда овладевает не вовремя, но Дамир умеет отгонять его. Зармис наблюдал за сценой, склонив голову к плечу. Дамир мог бы поклясться, что брат улыбается по обыкновению иронично. Глубоко вдохнув, Дамир приказал Камачеку:

– Веди.

* * *

Зармис скользил по брусчатке, будто не касаясь ее, – змея, исполняющая смертельный танец. Налетел ветер, сорвал с него капюшон, плеснули на ветру длинные иссиня-черные волосы. Зармис прищурил глаза цвета стали и крикнул на терианском совершенно без акцента:

– Очень удачная погода! Обожаю такую погоду!

Дамир ответил:

– Благоволение погоды – добрый знак.

Глянул на Зармиса, потом на Камачека – обрюзгшего, с лиловым носом и отвратительным пузом, выпирающим из-под плаща, и поджал губы. Да, варханы отличаются от пеонов и терианцев, распушенность позволяют себе разве что бер'Махи. Клан бер'Гронов испокон веков на несколько ступеней ближе к совершенству.

Соответственно легенде путь начали на окраине Наргелиса и узкими переулками, зажатými между кособокими домишками, двигались до самой реки. Под ногами чавкала грязь – снег не лежал на земле, таял. Растительности почти не было – чахлые, искривленные вечными ветрами деревца, пучки прошлогодней почерневшей травы.

Непогода разошлась на полную: завывала в подворотнях, гнала вдоль стен труху, смешанную с градом. Горожане попрятались в своих норах, по пути не встретились даже варханские патрули. Дамир пообещал себе по возвращении разобраться с этим, потому что в ненастные дни и происходит больше всего преступлений.

Обитаемая часть Нарлегиса заканчивалась забранной в гранит и мрамор набережной, внизу бежала мутная река, образуя маленькие водовороты у каменистых островов. Из-за града на воде вздувались пузыри, будто она кипела. Видимость была скверная – другого берега не разглядишь, не то что официальную переправу выше по течению.

Дамир с Зармисом шли за Камачеком вдоль берега. Здесь ветру не было преград, плащи хлопали как крылья, облепляли ноги.

О навесном мосту повстанцев Дамир знал уже почти год и, затаившись, выжидал. У него имелся список причастных, на многих Дамир завел досье. Он ждал момента, когда осведомленность сыграет на руку, и вот момент настал.

Не зря он два года торчал на Териане! Пришла пора больших перемен!

У самой узкой части реки стояли два столба. От них на другой берег, к таким же столбам, уходили канаты – два внизу и два наверху. Дамир заметил систему блоков. И всё, и никаких тебе перекладин. Не перелезть. Они что, это называют мостом?

Камачек вытер покрытое каплями дождя и пота лицо, вытащил из кармана маленькую трубочку и переливчато свистнул, подавая сигнал. Сложный тонкий звук отразился от стен домов.

– Ждем! – Камачек тяжело дышал. – Сейчас.

На том берегу показались размытые из-за непрекращающегося дождя с градом силуэты, засуетились у блоков. Поползла, распрямляясь, гармошка моста – дощечки, нанизанные на веревки. Нижние канаты, оказывается, служили опорой, а верхние – перилами.

Камачек, снова очертив круг перед лицом, ухватился за переплетенные канаты, долго перебирал ногами, чтобы залезть, наконец взобрался. Дамир подтянулся и поднялся. Мост напоминал живое существо – дрожал, покачивался, его скрип походил на стон. Внизу с грохотом мчалась свинцово-пепельная, под цвет неба река, разделявшая город на обитаемую и брошенную части. Камачек то и дело протяжно вздыхал и побелевшими пальцами хватался за ненадежные перила из веревок. Дамир уверенно шагал вперед; когда мост начинал раскачиваться под порывами ветра, останавливался, широко расставив ноги. Позади бесшумно двигался Зармис.

Очередной порыв ветра вскинул подол плаща Камачека, забросил на спину, явив миру толстый зад, обтянутый потертыми штанами. Информатор вскрикнул, плюхнулся на четвереньки. Дамир с трудом подавил желание дать пинка – настоящий берсер должен сдерживать ярость и оставаться бесстрастным, это – первая ступень на пороге к совершенству. Пусть пеонов раздирают демоны, именно поэтому они – слуги. Варханы будут всегда на вершине, они – основа мироздания.

Сообразив, что поддержки не дождется, Камачек кряхтя поднялся и приставным шажком преодолел остатки пути. Ступил на твердую землю и вытер пот с одутловатой рожи. От встречного ветра его глаза слезились.

Люди, подавшие мост, куда-то пропали.

Дамир все сильнее подозревал, что это заплывшее жиром существо приведет его в засаду. Уж слишком он труслив, мелочен и падок до наживы.

– Теперь лучше сделать вот так, – Камачек обвязал лицо бурым платком, – ледяная крупа по щекам бьет, никто не заподозрит неладное, а иначе... – Он виновато пожал плечами: – Уж больно внешность у вас выразительная.

Дамир признал его правоту. Иногда встречались пеоны и терианцы, похожие на варханов – узколицы, с высокими скулами и слегка раскосыми глазами, но чаще они были рых-